

Лев Аскеров

МЕСТЬ НЕВИДИМКИ

Научная Фантастика

Лев Аскеров

МЕСТЬ НЕВИДИМКИ

«PEN-клуб»

2000

Аскеров Л.

Месть невидимки / Л. Аскеров — «PEN-клуб», 2000

Предлагаемое произведение, безусловно, фантастика. Об одном из великих таинств Пространства-Времени. Читателю, однако, оно может показаться реальной вещью. [Э](#)то впечатление складывается потому, что сюжет тесно вплетён в известные нам изнурительные проблемы жизни, при которых простой человек беззащитен перед властью имущим блюстителем Закона и обречён на бесправие, прозябание и унижение. И раб Божий – человек, становится рабом себе подобного. А это невыносимо...

© Аскеров Л., 2000

© PEN-клуб, 2000

Содержание

Покушение	6
Главка первая	16
Главка вторая	26
Главка третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лев Аскеров

Месть невидимки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Покушение

(пролог)

Его привела в чувство падающая сверху вода...

Ледяная и тяжелая, она крутым кипятком шпарила вспухший язык и порванные дёсна.

Нет, холодная вода не может быть такой жгучей. Это – свинец. Жидкий расплавленный свинец.

Так оно и есть!

Он видит жгучее серебро кипящей жидкости. Она льется из раскаленного до красна ковша. Красного, как облитый кровью белок бычьего глаза...

...Он у копыт лошадей, обутых в лаковые мокасины. Одним концом веревки кто-то крепко вяжет ему лодыжки, а другой её конец приторачивают к седлу. И, стерва, лошадь, сорвавшись с места, волочет его по бездорожью.

И бугры, и булжники толкут его, как крупу в ступе...

Одуряющая тошнота выворачивает наизнанку желудок, и вытряхивает всё наружу.

Во рту смердит так, словно кто затолкал в него протухший пук морской травы...

...Караев смотрит на себя со стороны. Тело выгибается. Судорожно вздрагивает. И он совсем не похож на себя...

«Так это не я... Это не со мной, – с равнодушной отстраненностью думает он. – Не со мной... Я просто рядом... Наблюдаю...».

Но этот бездонный, раскалённый огнём ковш... Эта свинцовая вода... Она же жжет, чёрт возьми!.. Уворачиваясь от неё, Караев переваливается на бок и, от пронизывающей всё его тело боли, кричит. Скорее, не кричит, а протяжно, с булькающим хрипом, взывает...

Он тянет руку к губам. На них кровь. Она розовая и пузырится.

«Сломаны ребра... Надломленные кости вспороли плевру... – по профессиональной привычке диагностирует Караев. – Эта розового цвета кровь – верный признак...»

– На рентген!.. Готовьте к операции!.. – приказывает он, шаря руками вокруг в поисках своего халата.

Где-то на доньшке сознания Караев понимает: речь идёт о нём самом. Но порядком замутившийся рассудок никак не может увязать его с реальностью.

– Помогите ему подняться! – услышал он над собой чей-то повелительный голос.

Хотя почему «чей-то»? Он ему был хорошо знаком. Сотню раз слышал по телевизору и однажды, в живую, на съезде медработников. Он, голос тот, принадлежал – Ему. Тому, к кому Караев шел. И собравшись с силами, он, как ему показалось, резво вскочил на ноги. На самом же деле, не будь могучих рук обступивших его молодых парней, он, наверное, так и остался бы корчиться у чьих-то начищенных до блеска мокасин.

Едва держась на ногах, Караев стоял перед человеком, приказавшим поднять его.

«Что это со мной? – спрашивал он себя. – Все как в дыму...»

Наконец дым рассеялся, и он увидел перед собой Президента. Да, это был Он. И Караеву опять показалось, что он все вспомнил. Он, было, всплеснул руками, но те же самые парни перехватили их и заломили за спину.

Внимательно всмотревшись в намокшую от воды, блевотины и крови тщедушную фигурку стоявшего перед ним человека, Президент негромко, но резко бросил:

– Оставьте его!

Караеву, однако, удобней было стоять именно так, когда его поддерживали.

«Президент выразил мне свое благоволение», – подумал он и, растерянно улыбаясь, прошамкал:

– Хошпошин Пшешишент, я шел к фам.

– Что-что?!

Караев повторил.

Он очень старался, а потому закашлялся. Кашель вызвал острую боль. Скукожившись, он осторожно что-то выплюнул на ладонь.

«Зубы», – сказал он себе и бережно опустил их в карман.

– Ничего не пойму, – брезгливо морщась, произнес Президент.

На помощь пришел один из парней, что цепко следил за каждым жестом Караева.

– Он говорит: «Господин Президент, я шел к вам».

– Ты шел ко мне? – переспросил Президент, с гадливостью глядя на рвотную слизь, свисавшую с лацкана мокрого пиджака стоявшего перед ним человека.

Тот закивал.

– Интересно, – протянул Президент. – И в подарочек принёс с собой адскую машину...

Караев повернул голову в сторону, куда указывала брошенная Президентом пятерня. Подернутые мутной наледью, его глаза, наверное, с минуты блуждали по столу, на котором лежал ворох лома – разбитый таймер, смятые платы, покореженные электронные детали... И вдруг его глаза на какой-то миг сверкнули пронзительной осмысленностью.

– Мой аппарат! – довольно отчетливо вскричал он и ринулся к столу.

Резкий удар в солнечное сплетение снова вышиб из него сознание. Однако упасть ему не дали. На полусогнутых ногах и с упавшей на грудь головой покуситель повис в железных руках двух молодцов.

Потом он снова пришел в себя. И снова, странно улыбаясь, посмотрел на Президента. Тот отчитывал свою охрану:

... – В высшей степени ротозейство! Как вы могли допустить такое?! Подумать только: террорист не просто проник в президентский аппарат, он беспрепятственно вошел в мой кабинет! И никто его не видел! Курам на смех! Вы обязаны были перехватить его еще у дверей...

– Его не было там. Там вообще никого не было, кроме вашего референта-докладчика. Я стоял у лифта и в открытую дверь видел всю приемную, – сказал один из телохранителей.

– А я, – подхватил докладчик, – по вашему поручению говорил по телефону. Приемная в это время действительно была пуста. Правда, был момент, когда двери в ваш кабинет открылись и закрылись. Я подумал, что кто-то из охраны, с кем вы вошли к себе. Выглянул посмотреть, нет ли кого.

– Хватить врать! – рявкнул Президент. – Не с неба же он свалился ко мне... Сейчас я о другом: какая необходимость была избивать его до такого состояния? Ни оружия, ни гранаты вы при нем не обнаружили. Даже это, что вы принесли из его машины, мало чем похоже на взрывное устройство.

– Он оказал сопротивление, – вступился за подчиненных начальник охраны.

– Молчать! – грубо хлестнул Президент. – Хочешь сказать – этот сморчок полез на вас с кулаками?.. Не верю!

Виновато потупившись, начальник охраны умолк.

– Ну, хорошо, – уже мягче продолжал Президент, – свалили, дали пару тумачков, заломили руки, обыскали... Но зачем было так по-зверски бить ногами?.. С ним теперь невозможно говорить. Вообще от него мы ничего вразумительного не услышим дней десять...

– Мы его ногами не били, – опрометчиво вставил один из телохранителей.

Президент осёкся. Смерив говорившего с ног до головы тяжелым взглядом, он медленно направился к нему.

– Мальчик, – тихо произнес Президент, – посмотри на свои туфли.

Телохранитель послушно стал разглядывать их.

– Что ты видишь на них?

– Кровь... – пролепетал тот.

– Когда я на шум вышел из комнаты отдыха, ты, мой мальчик, носком туфля, дважды, при мне, с размаха ударил этого беспомощного человечка по затылку...

После непродолжительной паузы, не повышая тона и обращаясь сразу ко всем, Президент веско спросил:

– Я предупреждал вас, что больше всего на свете не люблю вранья?

– Предупреждали, господин Президент, – ответил за всех начальник охраны.

– Я не от тебя хочу это услышать.

– Предупреждали, – пролепетал напуганный телохранитель.

Президент тяжелой поступью вернулся к столу и оттуда, глядя на начальника своей гвардии, произнес:

– Рекомендую подумать, генерал, насколько годится этот молодой человек к продолжению работы в вашей команде.

– Есть, господин Президент!

– Забирайте этого горе-киллера в зал совещаний. Пусть посидит там, пока за ним не явятся из МНБ... Теперь – с глаз долой!

...Охрана удалилась в мгновение ока. В кабинете остался один референт. Вжав голову в плечи, он ждал, что сейчас прозвучит неумолимое – «за ротозейство и т. д. – вы уволены». Однако, непонятно чему усмехнувшись, Президент по-доброму скомандовал:

– Марш на место, сукин сын! – и, перехватив убежавшего докладчика почти у самых дверей, добавил:

– Сейчас подойдёт министр национальной безопасности. Сначала пропустишь его, а минут через десять пригласишь пресс-секретаря.

* * *

Несколько резких непродолжительных звонков в дверь отвлекли Инну от духовки. «Странно, кто бы это мог быть?» – вытирая о передник руки, гадала она. Как звонит в дверь муж – она знала. Даже по звонку могла определить – в каком настроении он пришел.

Смотреть в дверной глазок не имело никакого смысла: на лестничной площадке темно. Перегорела лампочка.

– Кто там?

– Инна ханум, это я, – услышала она голос знакомой ей женщины, что разносит по квартирам жировки.

– Ну и ну! Опять эти чёртовы квитанции, – проворчала она и, взявшись за рукоять двери, дважды щёлкнула ключом...

А дальше произошло, как в кино. Невероятная силища выкинула её вместе с дверью наружу в цепкие руки людей, чьи скользкие, как мокрицы, пальцы, с бесцеремонным бесстыдством ощупали её с ног до головы, а затем с той же силой зашвырнули обратно в квартиру. Она слышала, как её лицо хрястнуло об стену, и слышала глухой стук, упавшего на пол своего тела. Именно слышала, а не чувствовала. Наверное, сторяча. И сознания, кажется, не теряла. Может, на какой-то миг... Она тотчас же вскочила на ноги. И её тотчас же, те же самые лапищи понесли в комнату и швырнули в кресло.

Инна хорошо это запомнила. И ещё запомнила человека, усевшегося за их обеденный стол и вальяжно откинувшегося на спинку стула. Нет, не самого человека. Он был безлик. Инна запомнила его щетинистые глаза. Именно щетинистые. На этом пустом, как бетон, лице, их шевеления напоминали ей вздыбившиеся собачьи загривки. Больше ничего приметного в нём не было. Разве только то, что он единственный, кто не надел на себя маску и камуфляжный

костюм. Он в них и не нуждался. Если бы не глаза с пробирающим до озноба садизмом, он навряд ли кому мог бы запомниться.

– Ты знаешь, почему мы здесь... – не то спросил, не то утвердительно процедил он.

– Не имею представления, – сдавленно выдохнула она.

– Брось врать! – грубо бросил он и с картинной медлительностью, высвободив закинутую руку из-за спинки стула, посмотрел на часы.

Потом, не поворачивая головы и ни на кого не глядя, приказал включить телевизор.

Вспыхнувший экран высветил зал с людьми. Вверх по амфитеатру с микрофоном в руках взбегал Повзнер. Шла его авторская программа «Мы».

Инна с мужем всегда с интересом смотрели эту передачу. Но сейчас ей было не до неё. И вообще не до телевизора.

– Господин полковник, переключить на АзТВ? – спросил сидящего за столом человек в маске.

– Не обязательно, – отмахнулся тот, заинтересованно глядя на вбежавшего в комнату сотрудника.

– Нашёл! – радостно сообщил тот, ставя перед полковником распечатанную пачку стирального порошка «Барф».

– Откуда этот порошок? Я пользуюсь другим, – с недоумением спросила Инна.

– А это уж ты нам скажешь, хозяйюшка, – зловеще ухмыльнулся полковник и, скорчив гримасу, с отвращением, двумя пальцами, снял с пачки свалывшийся ком сухой паутины.

– Я обнаружил её за ванной. Там толстенная пыль и паутина.

– Ну, и что ты мне суёшь? – заглядывая вовнутрь пачки, прорычал он.

– Так там не стиральный порошок. Там аммонал.

– Ах, вот как... – свирепо заиграв желваками, полковник запустил руку в пачку.

И в это время стоявший у телевизора человек в маске сообщил:

– Эльхан мялим, началось.

Полковник резко обернулся к телевизору. На экране появилась заставка «АзТВ». И все, кто находился в комнате, уставились на неё, как на какую-то невидаль. Голос за кадром дважды через паузу объявил: «Внимание! Передаём экстренное сообщение!»

А через пару секунд на экране возникло напряжённое лицо диктора.

«Уважаемые телезрители, – густо произнёс он, – мы прерываем передачи всех каналов телевидения для экстренного сообщения.

Пресс-служба Президента Азербайджана уполномочена сообщить:

Сегодня Президентской Службой Безопасности было предотвращено дерзкое покушение на Главу государства. Личной охране удалось в считанные секунды обезвредить покусителя, который незамеченным проник в кабинет Президента.

Глава государства невредим. Преступник схвачен и даёт показания.

Судя по документам, обнаруженным у задержанного, им оказался врач Маштагинского психоневрологического диспансера Караев Микаил Расул оглы.

В автомашине марки „ВАЗ 2106“, принадлежащей Караеву, сотрудники органов национальной безопасности обнаружили электронное взрывное устройство с запущенным таймером. Автомобиль стоял припаркованным к фасаду комендатуры Президентского аппарата. По мнению специалистов, „адская машина“ изготавливалась кустарным образом и обладала способностью поднять на воздух все здание.

По факту покушения возбуждено уголовное дело. Ведется следствие.

Президент благодарит за умелые действия и проявленные высокие профессиональные качества всех сотрудников своей охраны».

В комнате стояла оглушительная тишина. Ошарашенная услышанным, Инна потерянно смотрела перед собой. Окаменевшие в мел губы и пробежавшая по лицу судорога, независимо от нее, выстукали дробную, но достаточно разборчивую фразу:

– Он все-таки сделал это...

– Что?!.. Что ты сказала?! – подскочив со стула, выкрикнул полковник.

Инна невольно качала головой.

– Как?! – взбеленился полковник. – Ах ты, гадина! – схватив женщину за волосы, он притянул её лицо к себе и со скрипом в зубах процедил:

– Гадина! Не ты ли сказала: «Он всё-таки сделал это?»...

– Отпустите... Больно... – взмолилась Инна.

– Я тебя спрашиваю! – царапая её щетинистым взглядом, не унимался полковник.

– Я не отказываюсь.

Отбросив её голову на спинку кресла, полковник подбоченился.

– Так-то лучше, – похвалил он и с мягкой вкрадчивостью добавил:

– Сейчас садись за стол и всё по порядку напиши. Всё без утайки. Чистосердечное признание снимет с тебя вину. Я это обещаю, – привычно соврал полковник и сочувственно, вкладывая в свои слова какой-то заговорщический смысл, добавил:

– Ну, какая может быть на тебе вина?.. Её, если и захочешь, не придумаешь.

– Хорошо, – отозвалась она и, окончательно взяв себя в руки, спросила:

– Как мне тебя называть?.. Кто ты?..

– Почему «ты»? – вскинулся полковник.

Инна с неподдельным недоумением и не без иронии посмотрела на него: мол, неужели непонятно?

Полковник скривился, но, быстро овладев собой, как ни в чём не бывало, представился:

– Я начальник следственного управления Министерства национальной безопасности, полковник Эльхан Худиев... Пишите на моё имя... Инна Борисовна..., – сделав упор на её имени с отчеством, он не преминул продемонстрировать свою осведомлённость, – если не ошибаюсь, девичья ваша фамилия – Марголис.

Он назвал её девичью фамилию не столько для того, чтобы она поняла, что ему известно о ней всё, сколько для того, чтобы сыграть на её еврейском качестве. Худиев был убеждён, что любой еврей, когда дело касается его шкуры, отречется от кого угодно и от чего угодно. И он тем самым прозрачно намекал, что ей именно сейчас следует отмежеваться от преступника.

Инна слушала его внимательно. «Ты» кавший ей высокопоставленный хам из спецслужбы перешёл на «вы». Не извинился, правда, но это чёрт с ним. Такова уж их работа. Главное – она поставила его на место. Теперь оставалось дать понять, что намёк его до неё дошёл и она категорически против.

– Я – Караева. Жена профессора Микаила Расуловича Караева, – твёрдо произнесла она.

– Правильно... – скользко улыбаясь, согласился он. – Это, конечно же, надо указать. Ни в коем случае не забывая, что вы Марголис... – гнул своё Худиев, усаживая Инну Борисовну за стол. – А главное – обязательно объясните, откуда у вас это? – полковник положил руку на коробок с броской надписью «Барф».

– Позвольте спросить, какой криминал в стиральном порошке?

– Вы не знаете, что в нём?

– Конечно знаю. Мыльный порошок, – с удивлением глядя на него, не без ядовитости усмехнулась она.

– Значит, не знаете... Что ж, тем лучше для вас! – театрально воскликнул он. – Это тоже в пользу вас. В пачке, что у меня в руках, аммонал. Попросту – взрывчатый, а не мыльный порошок.

– Откуда ему здесь взяться? – растерянно развела руками Инна Борисовна.

– Вот-вот! – подхватил Худиев. – Похвально!.. Напишите: мол, приносил эти пачки муж. Откуда? В каком количестве? Где хранил? У кого приобретал?.. Если знаете, разумеется.

Женщина, наверное, с минуты две оцепенело смотрела на полковника.

– Ну?!.. Будете писать?.. – придвигая к пальцам Инны ручку, скрипучей жестью проскребли его губы.

Инна Борисовна молча кивнула.

«Всё равно его ничем не прошибёшь», – подумала она. И тут её осенило:

– А можно на имя министра Национальной безопасности?

– Ещё лучше! Я лично вручу ему, – предвкушая близкую удачу, пообещал он.

Поблагодарив его, Инна Борисовна в правом углу листа размашистым почерком написала:

*«Министру Национальной безопасности Азербайджана
генерал – майору Ф. Зейналову»*

Затем, отступив, старательно вывела:

«ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ».

– Прекрасно, Инна Борисовна! Умница! – с придыханием, обдав её затхлой вонью недавно съеденного им лука, похвалил полковник.

– Эльхан мялим, у меня к вам убедительная просьба. Прошу минут десять не отвлекать меня. Я не могу, когда кто-то стоит за спиной. Не в состоянии сосредоточиться.

Худиев хотел было возразить, но Инна Борисовна опередила его:

– Вам не обязательно отлучаться. Пока я буду писать, можете сидеть здесь, на диване.

– Не против. Пишите хоть целый час. Никто вам мешать не станет... Вы правы. Вам нужно собраться с мыслями, – и Худиев сел на диван.

Инна Борисовна писала быстро. Изредка, вероятно что-то вспоминая, задумывалась, а затем снова, с прежней рьяностью принималась за дело.

«Хороша баба... Лакомая стерва... Ух, какие груди и задница... Память бы её пару ночек...», – искоса наблюдая за Караевой, смаковал полковник.

Он уже поздравлял себя с победой. И живо представил себе, как будет докладывать о ней. Обязательно расскажет, как искусно и ловко ему удалось провести эту хитрую бестию... Он на все сто был уверен, что Караева напишет всё, что ему нужно. А если что его не устроит, заставит добавить.

«Добавит. Никуда не денется... Ишь как строчит... Аж сиськи трясутся... Она всё знает о своём муженьке... Спешит отбелиться... Не поможет... Ты к нам надолго, птичка аппетитная...», – со злорадным сладострастием думал он.

Между тем, Инна Борисовна вернулась к первой странице. Видимо, чтобы проверить, не упустила ли что?

– Неужели всё? – на всякий случай спросил он.

– Ещё чуть-чуть... – не отрываясь от листа, ответила она.

На самом деле Инна Борисовна лукавила. Она уже всё написала. Оставалось только поставить подпись и указать дату.

...За дверью, в передней, слышались глухие голоса и топот снующих по кухне людей.

– Понятые здесь? – строго спросил кто-то.

– Вот они, – показали ему.

– Никуда не отлучайтесь! Стойте здесь! – приказал тот же строгий голос.

– А я могу идти? – спросила его женщина.

– Ты кто такая?! – подозрительно спросил он.

– Я из ЖЭКа. Помогала вам войти сюда...

– Выйди на лестничную площадку. Здесь не мешай. И никуда не уходи! – грубо велел он.

Инна Борисовна ничего этого не слышала. Ей было ровным счётом наплевать, что происходит там, за дверью, и кто кому что говорит.

Она целиком окунулась в своё «Чистосердечное признание». Но Худиев не упускал ничего. Тихо поднявшись, он бесшумно, чтобы не отвлекать Караеву, подошёл к двери и, приоткрыв её, коротко распорядился:

– Капитан, у тебя шумно... Мешаешь работать... Мамедову, сотрудницу ЖЭКа, отпусти. Пусть уходит...

Инне, однако, ничто не мешало. Она вдумчиво и не спеша вчитывалась в каждую строчку написанного.

Я, Караева Инна Борисовна, жена профессора Караева Михаила Расуловича, настоящим ставлю Вас в известность о следующем.

Мой муж, М.Р.Караев, – известный психиатр, доктор медицинских наук, автор пяти фундаментальных монографий и свыше ста научных статей, публиковавшихся в престижных журналах Великобритании, США, Франции, Италии, Японии, Индии и т. д.

Последние пять лет проф. Караев занимался исследованиями, результаты которых, буквальным образом, ниспровергли накопленные человечеством за сотни и сотни лет основы традиционной методологии лечения психических больных. Это стало возможным благодаря весьма неожиданному и своеобразному подходу к решению столь непростой проблемы. Именно он, этот подход, позволил ему радикальным образом избавлять людей от запущенных и тяжелых форм психических недугов. То есть от сумасшествий. Четверо пациентов, числившихся в разряде безнадежно больных, после применения на них этого, не имеющего аналогов в мировой психиатрии, метода лечения, уже через месяц были выписаны с окончательным диагнозом – «практически здоров».

На исходе третий год, как эти люди живут среди нас и находятся в здравом уме и рассудке. И рецидив, как утверждает проф. Караев, – исключен, потому что ему удалось выправить самое главное, что давало сбой в сложной механике психики.

Ключ к разгадке столь серьезной врачебной проблемы лежал отнюдь не в медицине, а в совершенно иной области науки – космогенной физике. Хотя я не уверена в точности названия этого вида науки.

Могу, однако, с уверенностью сказать, что проф. Караев занимался изучением Пространства-Времени. По его глубокому убеждению (теперь доказанному неопровержимыми фактами), вся психическая, мыслительная и поведенческая деятельность находится в тесной увязке со структурой спирали Пространства-Времени. Однако в подробности вдаваться не стану. По двум соображениям. Во-первых, потому, что многого не знаю, а во-вторых, потому, что мои околонуточные объяснения не могут соответствовать «жанру» настоящей «работы».

Тем не менее, считаю необходимым подчеркнуть: в процессе исследования и проводимых экспериментов проф. Караев открыл невероятнейший из эффектов. Становясь под луч изобретённого им

аппарата, он становился невидимым. То же самое и неоднократно происходило со мной и с теми пациентами, с которыми профессор работал...

Отдавая себе отчет в том, что его изыскания имеют для государства громадное стратегическое значение, проф. Караев с изложением своего открытия дважды обращался к министру здравоохранения и министру внутренних дел, трижды к министру оборону и к Вам, генерал. Столько же раз к Президенту республики. Это, я думаю, проверить не составит труда.

Его письма во всех инстанциях вызывали одинаковую реакцию – либо отписывались, переправляя их в Минздрав, либо отмалчивались. В реальности же, Караева, правда, не открыто, не официально, объявили сумасшедшим. Лишили института, кафедры и послали работать простым врачом в известную Вам психиатрическую клинику.

М.Р.Караев, как истинный патриот своей страны, хотел, во что бы то ни стало, своё открытие предоставить в распоряжение государства. Он много раз безуспешно пытался попасть на приём к Президенту. И тогда он решил явиться к нему, став невидимым. Фактор, согласитесь, который мог бы убедить Главу государства без лишних слов.

Признаться, я отговаривала его от этого шага, потому что я, как и тысячи других людей, потеряла веру во всё...

Вот почему, когда я услышала по телевизору сообщение о том, что мой муж, Михаил Караев, был задержан, якобы при попытке убить Президента, я вскрикнула: «Он всё-таки сделал это». Я искренно сожалею, что он ослушался меня...

Что касается стирального порошка «Барф», я им в хозяйстве никогда не пользуюсь. Я предпочитаю «ОМО». Мой муж покупками для дома (за исключением хлеба и иногда продуктов) не занимается. Так у нас заведено.

Происхождение пачки «Барфа», будто бы найденной за нашей ванной и набитой до отказа так называемой взрывчаткой (по утверждению ваших спецназовцев), лучше всего вам объяснит невоспитанный полковник Худиев со своей, подстать ему, командой.

Прошу Вас за нанесённые мне оскорбления, и проявленное хамство, привлечь полковника Эльхана Худиева к ответственности. Такой не может носить звание полковника и тем более представлять столь солидную организацию, как Министерство Национальной безопасности...

Я в этом убеждена.

За сим **И. Караева**

- Всё! – прочитав и подписав написанное, объявила она.
- Дайте сюда! – откинувшись на диване, небрежно потребовал он.
- Потрудитесь взять сами, – отрезала Караева.
- Что ж, мы люди не гордые... Не гордые, Инна Борисовна..., – злобно скривившись, поднялся он с места.

* * *

...Обрадовавшись, что сердитый капитан смиростивился и разрешил убраться восвояси, Мамедова, не дожидаясь лифта, побежала вниз по лестнице. Но уже в двух шагах от подъезда путь ей преградили двое в штатском. Как она их ни упрашивала, они были неумолимы.

– Стой и дыши свежим воздухом, – посоветовал один из них и, чтобы успокоить, добавил:

– Закончим – уйдёшь.

На улице было ветрено, и Мамедова решила пройти в парадную. Но тут кто-то взял её за плечо:

– Что случилось здесь, Саня?

Это был сосед Караевых, он жил на два этажа ниже.

– Дом окружен со всех сторон, – продолжал он, – в кольцо пускают, а из кольца – ни в какую... Я забыл в машине продукты, хотел вернуться, так меня чуть ли не тычками заставили идти обратно...

– Ой, и не говорите, Джавад мялим... Здесь такое... Такое... Аж, ужас, – зашептала Саня. – Наш Караев... Профессор... Хотел убить Президента.

– Ну и ну! – протянул Джавад и пристально, с оттенком явного недоверия, глядя в лицо Мамедовой, спросил:

– Ты, Саня, ничего не путаешь?

* * *

... Худиев читал неторопливо. Начал вслух. Затем стал бормотать, а потом молча, со скрипом в зубах. И по мере того, как взгляд полковника бежал по строчкам, его розовато-благодущное лицо превращалось в одно багрово-синюшное пятно.

– Что-о-о?! – взревел Худиев и из ладоней его, как из дула ружья, выбластнул шелестящий всполох белых бумаг.

Полковник резко, жиганским взмахом руки резанул ими по Иннинному лицу. Острый кончик одного из листов впился в неуспевший зажмуриться глаз. Караева вскрикнула и, согнувшись к коленкам, невольно закрылась руками.

– Шлюха! – взревел Худиев. – Жидовская вонючка!.. Мало того, что со своим говном задумала убить Президента, так она ещё вздумала издеваться надо мной!

Схватив за волосы согнувшуюся от боли в глазу женщину, полковник несколько раз ударил её головой о спинку кресла.

– Мразь!.. Гестаповец!.. – выдохнула Инна и с неистовой яростью ногтями вцепилась в ненавистную физиономию наклонившегося над ней Худиева.

Визг полковника, дискантом прозвучавший на всю квартиру, огорошил всех, кто его слышал. Теперь уже он стоял, обхватив окровавленное лицо. И не переставая вопить, изрыгал площадную брань...

На шум сбежалось несколько человек в маске. Один из них, сдавив лапищей шею Караевой, поднял её с кресла и, словно тряпичную куклу, бросил к порогу. Потом, в один прыжок оказавшись рядом с ней, наступил на поясницу и так вдавил в пол, что она не могла не то что пошевелиться, но даже вздохнуть. Остальные обступили залитого кровью начальника.

– Бросьте! – отогнал он их. – Поработайте с этой шалавой... Здесь... Прямо при мне...

И три изголодавшихся шакала ринулись на беспомощно трепыхавшегося подранка.

Её отчаянно призывных криков никто, кто был в квартире, не слышал. Хотя все находились совсем рядом. За стеной и за дверью. Впрочем, их никто слышать и не мог. Рот, взывающий о помощи, спецназовцы залепили лентой жёлтого скотча.

Из комнаты доносились лишь глухая возня, стук опрокидывающихся стульев, скребущий звукдвигающегося стола и звон высыпавшейся из серванта посуды... Потом немного поутихло... Только, казалось, ходуном ходил то ли диван, по которому прыгал слон, то ли тот же слон катал, волоча по полу, какой-то неподъёмный тюк.

Четверть часа спустя в комнате наступила гробовая тишина. Отозвавшись зловещим шипением, распахнулась дверь. В переднюю с расстёгнутой до пупа гимнастёркой вышел спецназвец. Позвякивая бляхой ремня, он по-хозяйски прошел в туалет. В оставшейся полуот-

крытой двери кто-то увидел истерзанную, полуголую Инну Борисовну. Лица видно не было. Плечи и тело её передёргивало судорогой. Плача, и, стыдливо закрываясь лоскутами изодранного ситца, она вышла на балкон.

Худиев с ненавистью смотрел ей в след. Ни его, ни спецназовцев, бесчестивших женщину, это несколько не беспокоило. Балкон давно был превращён в маленькую комнатушку. И то, что это был балкон, говорили лишь широкие, в полукруг поставленные стекла... И группе захвата, вместе с её командиром, невдомёк было, что одна из рам была отомкнута...

* * *

– Что значит – «ничего не путаешь»? – явно обидевшись на соседа, развела руками Мамедова.

И Саня стала пересказывать всё, что она слышала от спецназовцев.

– Он был увешан гранатами... Уже хотел взрывать их, и тут...

...И тут что-то тяжелое и мягкое, с хрястом ударившись об асфальт и обдав их горячими брызгами, упало у самых их ног. И Джавад и Саня, разинув рты, оцепенело уставились на то, что лежало перед ними... Первым очнулся мужчина.

– Инна Борисовна... – просипел он.

В то же самое мгновение, из гортани Саньи, сдавленной спазмом, охватившего её ужаса, вырвался утробный вопль...

Главка первая

Открытие

Наружу его выбросило со смачным чмоком. Как из трясины. И выбросило в позу на четвереньках. С минуту он крутил головой и, озирая комнату, не мог выдать из себя ни единого членораздельного звука. Подняться на ноги тоже не мог. И не потому, что не было сил. А потому, что на нём повисла жена. Она, как выуженная из воды рыба, немо разевала перед ним рот...

Видел он хорошо. Пронзительно. Ясно. А вот со слухом творилось неладное. Словно кто напихал ему в уши ваты. Потом в ушах цвикнуло, и ваты как небывало. И тут же в них ворвались истеричные взрыды жены.

– Мика, миленький... Что с тобой?.. Где ты был?

В глазах её метался дикий страх.

– Всё в порядке, Инночка... Не паникуй, – карабкаясь на диван, проговорил он.

Инна бросилась за валокордином. Караев не возражал. Впрочем, ему было всё безразлично. Прикрыв глаза, он слушал себя. Тошнота и лёгкое головокружение, которые он чувствовал, придя в себя, прошли. Только внутри всё отчаянно дрожало и вибрировало. Болей никаких. Напротив, каждая клетка, каждый нерв во всём теле, будто воспрянув от глубокого и здорового сна, от души потягиваясь, млели в сладкой истоме. Блаженно улыбаясь, Караев открыл глаза. Инна подносила рюмку с валокордином. Он покачал головой.

– Не надо, – отказался он и попросил измерить давление.

Инна выбежала на балкон.

– Идеальное! – радостно выкрикнула она оттуда. – 120 на 80. Пульс – 64.

Караев хотел было спросить, с чего это она взяла, но, оглядев себя, сообразил. Ну конечно же, он до сих пор находится в контуре, который передавал на аппарат, что стоял на балконе, объективную картину его состояния.

– А в момент, когда я лишился чувств? – поинтересовался он.

Жена промолчала. Караев собрался переспросить и, подняв голову, наткнулся на пару круглых от изумления глаз.

– Ты так ничего и не понял? – прошептала она.

– А что я должен был понять?

– Ты не терял сознания... Ты просто исчез...

– То есть?.. Как это?.. – невольно вырвалось у него.

– Не знаю... На месте, где ты стоял, было пусто. Тебя здесь не было... Во всей квартире. Я думала – ты подшучиваешь надо мной... Несколько раз заглядывала в кухню, ванную, уборную. Выбегала на лестничную площадку. А потом не знала, что и думать, – крепко обняв его, разрыдалась она.

– Ну, ну... Всё уже позади, – поглаживая её, склонённую к нему голову, успокаивал он.

– К чёрту твои эксперименты!.. К чёрту! – ещё пуще расплакалась она.

Дождавшись, когда она выплечется, Караев, наконец, спросил о том, что ему очень хотелось узнать.

– Долго я отсутствовал?

– Мне показалось, очень долго...

Потом, шмыгнув набрякшим носом, уточнила:

– Минут пятнадцать... Может, чуточку больше...

– Неужели?! Я совсем этого не почувствовал.

– Зато я почувствовала, – сварливо проворчала она.

Караев засмеялся. Появившиеся в голосе Инны брюзжащие нотки – первый признак того, что срыв, охвативший её, пошёл на убыль.

– Что смеёшься? – сердито спросила она.

Ну что Мика мог ей ответить? Он просто ещё крепче обняв жену, притянул её к себе. Щекоча горячими губами его шею, она что-то долго выговаривала ему, на что-то пеняла и, стуча кулаками по его бокам, беззлобно поругивала.

По правде говоря, Мика её вовсе не слушал. Он думал о своём. Что всё-таки произошло? Вот что надо было осмыслить. Здесь не до нюнь.

– Налей мне чайку. Крепенького, – отыскав предлог, чтобы остаться наедине со своими мыслями, попросил Караев.

...Итак, он накинул на себя провода. Нет. Сначала он приладил к ним золотое ситечко, больше похожее на розетку для варенья, чем на чашу приёмной антенны. По центру ситечка, сплетенного из тонких проволочек чистого золота, был помещён огранённый, размером в три карата, бриллиант. Потом уже Инна накинула на него эти провода, свободные концы которых она специальными присосками прикрепила к четырём точкам его тела. Закончив с этим, она старательно прозрачным скотчем, плотно приклеила к подвздошной ямке золотое ситечко приёмной антенны...

Всё. Теперь он был в контуре. И они прошли на балкон, где стоял основной аппарат. Собственно, он не стоял. Он лежал. А если уж совсем быть точным, определение «аппарат» к нему никак не подходило.

Выставленные на столе и соединённые между собой пёстрыми проводами в одну вереницу платы, теристоры, линзы и прочие детали и были тем самым устройством, над которым он бился едва ли не полгода. Выпускаемый им веер лучей должен был выйти на жгут планетной спирали Пространства – Времени, отыскать в нём волокно, соответствующее личному полю времени испытуемого и, отразившись от него, замкнуться на контур, который был сейчас брошен на Караева...

Аппарат, если можно было так назвать всю эту кучу деталей, спаянных и опутанных между собой разноцветными проводами, занимал чуть ли не весь балкон – единственное место, где Инна могла вывешивать постиранное бельё. Пару раз, выходя сюда с тазом, доверху наполненным постирушками, она спотыкалась обо что-то и опрокидывала всю эту Микину конструкцию на пол. И они вдвоём, из-под мокрых, плохо отжатых вещей, извлекали деталь за деталью.

Жена это делала с глухой бранью, в сердцах отдирая от белья запутавшиеся в них железные шутовины, а Мика – с молчаливой обречённостью, аккуратно и не спеша, словно собирал жемчужинки. Только однажды, когда Инна с раздражением упрекнула его, мол, занял барахлом весь балкон, он, любовно вытирая фланелькой одну из намокших и отпаявшихся плат, как бы невзначай спросил:

– Разве это барахло?

– А что, по-твоему?! – выпалила она.

Караев с ответом не спешил. Высвободив из ажурной тюли очередную деталь и с нежностью держа её в ладони, он тихо произнёс:

– Это, милая, все наши 125 квадратных метров...

Инна такого не ожидала. Она растерялась. А потом из глаз её сами по себе посыпались слёзы. Ведь, правда. Какая горькая правда... И этот узкий остеклённый балкон, и этот ворох металлопластмассового лома – их проданная квартира. Трёхкомнатная, с просторной верандой, с чудесным видом на море, в самом престижном районе города... Теперь вот двухкомнатная, в задрипанном микрорайоне, на седьмом этаже, где в неделю три раза и строго по часам подаётся вода...

Ту, престижную, она сама предложила продать. Настаивала даже... А что оставалось делать? Ведь Мике для воплощения его, казавшейся тогда Инне такой реальной и такой потря-

сающей, идеи нужны были деньги. Чтобы он мог закупить этих чертовых безделушек и из набросанного им проекта сварганить свой чудо-аппарат. Пропади он пропадом!

Сделка была выгодной: продали за сто, купили за 25 и остались при 75-ти тысячах долларов.

Глядя на случайно учинённый ею в очередной раз разор и жалкую фигурку мужа, со смиренной кротостью собиравшего разрушенную конструкцию, Инна в бессилии плюхнулась на порог и заревела. Мика подсел рядом и, ничего не говоря, ласково гладил её по голове, плечам и вспухшим от натруженности и едкого мыльного порошка пальцам. Ей было жалко себя, а ещё жалче Мику, который стойко сносил её бабьи капризы.

«Все женщины одинаковы, – думала она, – им подавай победителя...»

– Скажи, Микуля, – спросила она сквозь слёзы, – из этого что-нибудь получится?

– Обязательно! И уже скоро, – уверенно сказал он.

Правда, после этого разговора минуло еще месяца три. Но устройство он всё-таки добил. Пусть оно по дизайну и не совсем походило на привычные глазу конструкции, зато оно действовало...

Из всего этого техно-электронного хаоса, более или менее эстетично выглядела панель управления. Под никелированным тумблером с надписью «Сеть» располагалось маленькое рубиновое окошечко, которое при включении загоралось острым красным светом. Под регулятором «Поиск спирали» размещался зелёный глазок. Он должен был вспыхивать, когда сигнал находил спираль. А под кнопкой «Поиск нити» он вмонтировал синее стёклышко. Оно, по идее, могло засветиться приятной голубизной лишь в том случае, если сигнал в общем жгуте Пространства-Времени отыскивал и вычленял нить Времени исследуемого человека. И последний регулятор, с надписью «Отражатель», тоже имел оконце, которое озарялось жёлтым светом и означало, что сигнал найденной нити аппарат принял и отразил его на ситечко-антенны, прикреплённой к подвздошью испытуемого.

Всё работало автоматически, за исключением двухантенных тарелочек, сработанных из двух платиновых ободков, оплетённых тончайшими золотыми проволочками, представляющими собой сплошную, с едва заметными зазорами, сеть. Одна тарелка смотрела в пустое пространство, другая – держала под прицелом испытуемого. Они друг к другу были приставлены задом, и их по центру объединял чистой воды бриллиант размером вдвое больше, чем в золотом ситечке, висящий под грудиной у исследуемого человека. А тарелочка, что открытым «ртом» смотрела в небо, регулировалась вручную...

Всё, в принципе, стояло в полной готовности. Караев ещё раз объяснил жене что делать и потребовал повторить, показывая пальцами все свои действия. Он остался доволен.

– Молодчина! – похвалил он, уходя в комнату на исходную позицию.

– Мика! – остановила она его. – Давай я ещё раз проверю все соединения на тебе. Может, что отошло?

Караев согласился. Придирчиво осмотрев все контакты, Инна удовлетворённо кивнула.

– Всё в порядке, – сказала она.

– Ну что ж, милая, начнём. Бисмиллах рахман рахим!..¹

– Бисмиллах рахман рахим! – повторила Инна, встав на изготовку к аппарату.

Она стояла к нему спиной и долго не решалась протянуть руку к панели управления. Караев собрался было поторопить её, но тут она срывающимся голосом выкрикнула:

– Включаю в сеть!..

А через паузу объявила:

– Произвожу запуск луча!

¹ Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного!

...Больше Караев ничего не помнил. И, конечно же, не видел, что творилось с его женой, когда она обернулась и взгляд её упёрся в пустую стенку. На том месте, где стоял её благоверный, никого не было. Сначала она подумала, что он сбежал, чтобы подшутить над ней. А потом... Потом поняла – её Мика пропал. Какая-то неведомая сила растворила его в воздухе, рассеяла в пыль. От одной мысли, что она никогда-никогда не увидит мужа, не услышит его голоса и никому не сможет объяснить, куда он подевался – её обуял дичайший ужас.

Придя в себя, Караев страшно удивился тому, что не стоит, а на карачках елозит по полу, бодая головой неизвестно откуда взявшиеся золотые букеты цветов. Второй удар головой в цветы окончательно вернул ученого в реальное мироощущение. Букеты те, как он сообразил, были на обоях, а обои – на стене. А сообразив, Караев, как и подобает профессиональному исследователю, постарался сконцентрироваться на оценке своего самочувствия. Однако, это ему не удалось...

Он испугался за жену, которая, как безумная, билась в истерике и жутко голосила. Словно оплакивала покойника.

Усилием воли, отодвинув выстраивающуюся в мозгу статистику своего состояния и то, что привиделось ему, будучи в беспамятстве, профессор занялся Инной.

Сейчас же, когда она успокоилась, Караеву хотелось остаться наедине с собой. Чтобы осмыслить происшедшее, а затем добросовестно его записать.

– Ну, ты пойдешь за чаем, в конце концов?! – неожиданно для себя и для жены сорвался он.

Инна стремглав ринулась на кухню, полагая, очевидно, что чай для её Мики сейчас лучше всяких транквилизаторов и сердечных средств.

...Ни парения в бездне, ни ощущения полёта по тоннелю навстречу сияющему впереди свету, как обычно описывается людьми, пережившими клиническую смерть, Караев не испытывал. Он просто вырубился, и всё. Хотя – нет. Он был тем, кем был. Тем же Караевым, который, как и все, снующие вокруг него люди, вдыхал ароматизированный воздух незнакомого ему холла...

Холла, который его нисколько не удивлял. Разве только вызывал естественное любопытство. Что в нём? Каков он и как оформлен? И ни одной мысли о том, каким образом он объявился вдруг здесь. Его глаза жадно бегали по зеркалам, роскошным люстрам и многочисленным указателям на английском языке, которые он прочитывал, словно слизывая языком.

А ведь только что его взгляд устремлён был в открытый проём балкона, и оттуда, из аппарата, созданного им, он ждал того самого долгожданного импульса, ради которого работал все эти последние полгода. Но эту необычность он осознал лишь сиюминутно...

А в тот момент профессор Микаил Караев как ни в чём не бывало шёл по пятам двух шкафообразных молодых парней. Он явно преследовал их. И вместе с ними встал у лифта.

Почему он увязался за этими «Шкафами» и настырно, не упуская из виду, преследовал их, Караев сейчас, находясь в своей квартире, не мог дать вразумительного объяснения. Стало быть, так и следовало ему поступать. Шкафы в упор не видели его, хотя он стоял рядом с ними. Перед самым их носом. И судя по их злым репликам, между Караевым и этими двумя дебелыми парнями совсем недавно что-то произошло. Что именно, сейчас он припомнить не мог. Но там, наверняка, знал. И знал, что пузатый, цвета беж медицинский баул, раскачивающийся в руках высокого и Угрюмого шкафа, – его баул. И он для него, для Караева, многое значил. Поэтому, вероятно, он ни на шаг не отставал от этих двух шкафообразных горилл.

С неприязнью глядя друг на друга, Шкафы вполголоса бранились между собой, сдабривая каждую фразу отборным русским матом. Это профессору показалось странным. Какие-то точные, но забытые им теперь детали говорили, что он находился за рубежом. Скорее всего, в Америке. Но не в Нью-Йорке и не в Вашингтоне. Какой-то другой город. Не Москва, не Санкт-

Петербург и не Киев – он мог в этом поклясться. Их он знал, как свои пять пальцев. Таких гостиниц, с такими лифтами, в них не было.

Да, точно, это был отель. Роскошный отель. И полусферической формы лифт, куда они все втроем нырнули, был прозрачным, сделан из стекла. Находясь в нём, человек чувствовал себя помещённым в аквариум... Интересно было смотреть оттуда на людей и на просторный холл, похожий на Бакинскую Площадь фонтанов. И люди, и вся Площадь с диковинной зеленью и фонтанами, срываясь, летели вниз, как в пропасть, уменьшаясь в размерах. Караев смотрел бы и смотрел, да мешали Шкафы. Они, мягко говоря, очень уж горячо выясняли отношения.

– Не меня, а тебя надул черножопый, – ехидно сощурил наглые глазёнки тот, что был поменьше и покряжистой. – Тебе и отвечать перед Эмом...

«Это ж обо мне... Националист поганый!» – понял Караев, но сдержался, чтобы не выдать себя.

– Не ты ли, падло, стал крутить ему руки? – взвился Угрюмый.

– А что мне оставалось делать? Он собрался дать дёру... – нагло ухмыляясь, спокойно, словно отмахиваясь от назойливой мухи, возразил тот.

– Врёшь, гад! Я с ним только заговорил, а ты сразу полез ломать его.

– Заговорил... Заговорил... Ты его до смерти перепугал. Посмотри на своё мурло. Оса-танелая, как у бугра на зоне, – с ухмылочкой и с напускной ленцой, имевшей целью вывести из себя своего товарища, ехидничал Шкаф поменьше.

И это ему удалось.

– Что-о? – взревел Угрюмый, выкинув к глазам зарвавшегося напарника два растопыренных пальца.

Малый Шкаф оказался парнем прытким. Нырнув под летевшую ему в глаза рогатинку из двух пальцев, он крякнул и резко саданул Угрюмого в корпус. И Угрюмый, не удержавшись на ногах, отлетел к противоположной стороне лифта. Как раз туда, где стоял Караев. Профессор отпрянуть или увернуться от него не мог. Не успел бы. Да ему и не надо было этого делать. Парень пролетел сквозь него и со всего размаха затылком стукнулся о стекло лифта.

Угрюмый, вскочив на ноги, ринулся в сторону своего зловердного напарника. А тот, застыв на месте, тихо прошептал:

– Ша! Лифт!

...Мгновение спустя из раздвинутых створок лифта чинно выходили два уважаемых Шкафа-Джентельмена. Они шли молча, быстро. Караев едва за ними поспевал. Уже перед самыми дверьми номера, куда они направлялись, Угрюмый как мог миролюбиво сказал:

– Ну, что мы с тобой – не православные, что ли? Неужели будем топить друг друга? Все равно обвинят нас обоих, – рассудительно заключил он.

– Ты не кати на меня бочку, и я не стану, – предложил компромисс драчливый Маленький шкаф.

– Петуха! – с вымученной улыбкой, протянув товарищу открытую ладонь, потребовал он.

Обменявшись рукопожатиями, Шкафы робко постучали. Сначала один, потом другой. В ответ – ни звука. Они постучали снова. И опять тишина. Третий раз им этого делать не пришлось: дверь распахнулась неожиданно. В проёме стоял довольно симпатичный, с капризно-брезгливым лицом «Пуфячок».

– Вы одни? – близоруко щурясь по сторонам, спросил он.

– Понимаете в чем дело, босс... – на ломаном английском принялся было объяснять Угрюмый...

Пуфячок махнул рукой.

– Пройдите в кабинет. У меня неожиданные гости... Поговорим потом, – рубанул он и вразвалочку исчез в гостиной, откуда доносились голоса увлеченно беседовавших людей.

Кабинет Пуфячка напомнил Караеву кабинет министра. Напомнил, правда, не то слово. Всего две схожие детали: письменный стол и размер комнаты. Что касается остального, здесь было больше строгого и одновременно располагающего к деловым беседам стиля. Тут преобладал вкус, внушающий мысль о достатке и достоинстве хозяина.

Шкафы, усевшись за журнальным столиком, с мрачным видом уточняли между собой детали того, как они упустили «черножопого фраера». А фраер между тем прошёл к письменному столу. Почему его потянуло туда, он толком объяснить себе сейчас не мог. А во сне – а во сне ли? – Караев шёл к нему с явно обдуманными намерениями. Скорее всего, им двигало элементарное любопытство.

Его заинтересовала стопка бумаг, поверх которой лежал лист с хорошо знакомым ему текстом и его собственноручной подписью под ним: *«С уважением, доктор медицинских наук, профессор М. КАРАЕВ»*

Это было сопроводительное письмо, посланное им в Америку чуть ли не два года назад.

**ПРЕЗИДЕНТУ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ
НЕЗАВИСИМЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
доктору Э. МАККОРМАКУ**

Уважаемый господин Президент!

Обращаюсь к Вам, прежде всего, как Главному редактору издаваемого Вашей Ассоциацией журнала «Курьер науки». Я – один из заинтересованных и постоянных читателей «КН». Мне, как, впрочем, многим научным работникам, нравится, что его страницы открыты спорным гипотезам и, по существу, являются весомой поддержкой исследователям, занятым поисками новых, неординарных подходов во всех сферах науки, вопреки общепринятому, так называемому «здравому смыслу».

Исходя из этих соображений, я посчитал логичным послать Вам мою статью – «Пространство-Время и его роль в психомеханизме людей. (К вопросу принципиально новой методологии лечения психических заболеваний, в том числе, наркоманов, субъектов склонных к суицидам и проч.)»

Предлагаемая статья является лишь малой частью моей монографии, где рассматриваются многие приоткрывшиеся и весьма неожиданные эффекты, относящиеся не только к предмету моего исследования психиатрии, но и к совершенно иным сферам науки.

Надеюсь, сей труд заинтересует журнал, и я буду иметь честь увидеть его в ближайшем из номеров.

Письмо свое профессор знал наизусть. Над ним и над статьей, ему с Инной, пришлось порядком потрудиться. Больше досталось Инне. Она лучше него владела английским.

Письмо она перевела в один присест, а со статьей было сложнее. Переводить с русского на английский, следуя необходимой стилистике и не нарушая профессионального смысла изложения, оказалось делом нелегким. Они с Инной прямо-таки вымучили этот перевод. А потом как манны небесной ждали выхода каждой книжки, журнала. За это время вышло девять номеров, которые они читали от корки до корки, в поисках хотя бы ссылки на посланную ими работу. А она преспокойненько лежала себе на столе этого Пуфячка.

«Черт плешивый!» – в сердцах выругался Караев.

– Ты слышал?! – дернулся Шкаф Угрюмый.

– Что слышал?

– Чей-то голос, – зыряка по сторонам, настороженно прошептал он.

– Тебе показалось... Это бурчит у меня в животе, – осклабился малый Шкаф, и, потирая живот, добавил:

– Страсть как жрать хочется.

Караев перевел взгляд на лист, что лежал на папке справа и... замер. Он узнал в нём фирменный бланк родного Министерства здравоохранения. Выглядел он невзрачно. Судя по характерным чёрным полосам, идущим сверху вниз, его пересылали по факсу. Однако текст читался ясно. И первая же строчка его привела в крайнее замешательство...

Написанное на азербайджанском языке, оно было адресовано, печально известному премнику КГБ, Министерству Национальной безопасности. Профессор одним махом проглотил каждую строчку этой страшной бумаги. Со всеми абзацами и знаками препинания. Документ имел к нему самое прямое отношение.

Взяв себя в руки, Караев, как и подобает профессиональному исследователю, с отрешённой холодностью вникая в каждое слово и в каждую фразу, стал снова и тщательно, с мазохистской беспощадностью прокручивать их в мясорубке анализа.

Перед трёхзначной цифрой исходящего номера стоял персональный буквенный символ министра – «Н», что означало «назир».²

Значит, письмо готовилось лично им, министром здравоохранения. Внизу красовался немного смазанный факсовым картриджом, но не потерявший от этого самовлюблённости, его росчерк...

**МИНИСТРУ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Г-ну Зейналову Ф.Я.**

На Ваш устный запрос сообщаю:

КАРАЕВ МИКАИЛ РАСУЛ оглы родился 5.03.1950 г. в гор. Шеки.

В системе Минздрава работает с 1975 года, сразу после окончания Первого Московского медицинского института. Обучаясь в означенном институте, он одновременно являлся студентом-заочником Московского Высшего технического училища им. Баумана.

В 1976 году, без отрыва от работы врача-психиатра в Бакинском психдиспансере №1, он заканчивает его, и ему вручают диплом инженера ЭВМ...

«Каналья, не написал – „красный“, диплом с отличием. Вот отсюда начинается его тенденциозность», – замечает про себя Караев.

...Через полтора года Караев М.Р. назначается заведующим отделением диспансера, а через короткое время выдвигается на должность зам. главврача.

В 1980 году решением Коллегии Министерства его направляют главным врачом крупнейшей в республике Маашагинской психиатрической клиники. В том же году он защищает диссертацию на степень кандидата медицинских наук.

В 1983 году завершает докторскую диссертацию и в Ленинграде (ныне С. – Петербург) защищает ее. Ему как доктору медицины присваивается звание – профессор и поручается организовать

² Назир (азерб.) – министр.

при Государственном институте усовершенствования врачей кафедру «Психиатрии и кибернетики», которой по сей день руководит.

В 1985 году Учёный Совет МВТУ им. Баумана за диссертацию по весьма сомнительной тематике – «Электронная технология как важный аспект методологии лечения психических заболеваний» – присуждает ему степень кандидата технических наук.

Столь быстрой и успешной карьере, по его собственному утверждению, он обязан бывшему министру, который являлся активным политическим противником Президента, открыто критиковал его и поддерживал экстремистски настроенных заговорщиков. Его арест и законное осуждение Караев М.Р. не только не разделял, но и громогласно осуждал, заявляя, что тот, якобы, оклеветан.

Такая позиция проф. Караева объясняется тем, что, благодаря открытой поддержке бывшего министра, ему, занимающему должность главного врача Маштагинской психиатрической клиники, было позволено создать в вышеупомянутом институте кафедру, ничего общего не имеющей с медициной вообще и с психиатрией в частности.

Имея два взаимоположенных образования, проф. Караев на протяжении многих лет пытается убедить коллег, в т. ч. и признанных мировых светил – Б.Колби (Великобритания), Г.Бирони (Италия), П.Лаваль (Франция), академик Г.В.Груздев (Россия) – о перспективности исследований проблем психиатрии в плоскости физико-технических подходов.

Прилагая письмо-отзыв одного из названных мною выдающихся психиатров планеты – итальянского ученого Г.Бирони. Беру на себя смелость привести выдержку из него.

«Идею уважаемого профессора М.Караева, – пишет он, – на мой взгляд, следует не рассматривать, а диагностировать. Проводить много времени в обществе людей с тяжелыми психическими отклонениями – дело похвальное, но чревато хорошо известной специалистам опасностью. Опасностью, которая, очевидно, не миновала добросовестного доктора».

Трудно не согласиться с г-ном Бирони, столь тактично сформулировавшим недуг профессора Караева М.Р. В его поведении явно присутствуют признаки мании величия. В кругу коллег и во время публичных лекций он неоднократно на полном серьёзе утверждал, что его изыскания и разработки, находящиеся на стыке двух наук, имеют революционное значение для всей науки в целом. И он, де, за это в скором времени будет увенчан лаврами Нобелевского лауреата.

Исходя из изложенного, министерство ненавязчиво, но неуклонно ограничивает выступления профессора перед массовой аудиторией, а тем более перед молодыми врачами и студентами.

Психическая деградация проф. Караева М.Р. вызывает в нашей среде искреннее сожаление, а его резкие выпады в адрес властей объясняются симптомами «мании величия». На мой убежденный взгляд, проф. Караев М.Р. нуждается больше в снисходительности, нежели в санкциях государственного осуждения.

С глубоким уважением...

И подпись. Заковыристая. Витиеватая. С закорючками и крендельками. Любой графолог определил бы, что представленная ему на анализ роспись принадлежит человеку непомерно

самовлюблённому и, вместе с тем, обладающему недюжинными способностями к интригам и коварству.

Вот это был бы диагноз. Не в бровь, а в глаз. Караева так и подмывало стукнуть кулаком по столу. С каким удовольствием он вломил бы в морду этому подлецу.

«Всё чушь! Иезуитская полуправда!» – кипел он и готов был в голос крикнуть об этом. Но не мог. На смерть перепугал бы мирно сопящих в своих креслах шкафообразных ребят.

В кабинет бесшумно влетел Пуфячок.

– Хозяин! – сдавленным голосом шепнул один из Шкафов, и они оба с необычайной прыткостью повскакивали с мест.

– Ну, где он?! Докладывайте! Живо! – прокудахтал хозяин.

– Он пропал, сэр, – потерянно проговорил Угрюмый.

– Что ты мелешь?! – подскочив к нему, грозно прошипел тот.

– Так точно, босс! Он исчез, – подтвердил драчливый Малый Шкаф.

– За кого вы меня принимаете? – с леденящей душу угрозой спросил он. – Это вы того... – он покрутил пальцем возле виска. – Это у вас крыша поехала!

– Никак нет, сэр, – виновато возразил Угрюмый. Мы его взяли. Я сидел с ним на заднем сидении. И вдруг... он пропал... Николай, – он кивнул на товарища, – не успел тронуться с места.

Лицо Пуфячка перекосило, словно он сдуру зажевал горького перца и задохнулся им.

– А что скажешь ты, Ник? – с невероятным трудом загнув в себе ярость, обратился он к Шкафу малому.

– Витёк не врёт... То есть..., – быстро поправился он, – Вик говорит правду, хозяин. Так оно и было. Они сели позади, а я за руль. А потом...

– Что потом, Ник? – вкрадчиво дознавался Пуфячок. – Давай! Давай!

– Потом случилась та бесовщина. Витек крикнул: «Мать твою, Коля, куда он подевался?!» Я обернулся, а того, чернявого, и след простыл... На сидении лежал только вот этот баул. Его баул. Чертовщина какая-то... Звук открывающейся двери я не слышал. Вряд ли он сумел бы их открыть. Я их заблокировал... Улица была пустой, а он человек приметный.

Пуфячок смешно рухнул в кресло, в котором только что сидел Шкаф по имени Витек и, обхватив руками плешивую голову, мотал ею из стороны в сторону. Потом, вероятно, смирившись с происшедшим и по-прежнему размышляя о чём-то, обреченно поинтересовался:

– Небось, напугали его? И здорово.

– Нет! – выпалил Угрюмый.

– Да! – с той же поспешностью признался Ник.

– Ах вы, мордovorоты сибирские!.. Я же предупреждал: будьте с ним вежливы. Пригласить, а не запихивать в машину...

– Да как можно было не запихивать?! – возмутился Витёк. – Мы с ним заговорили по-свойски. По-русски. А он подумал, что мы менты из России... Навострился дать дёру.

– Его правда, хозяин, – подтвердил Николай. – Чернявый понёс ахинею про какие-то пять тысяч долларов, которые, якобы, были не взяткой, а подарком за то, что он кого-то излечил.

– Совок есть совок, – философски заметил Витёк.

Босс мрачно молчал. Сняв с себя очки, он повертел ими и, загадочно улыбаясь, сосредоточенно о чём-то размышлял. Так продолжалось с минуту. Может, и больше. Потом, поднявшись, высокомерно бросил:

– Проваливайте! Вон отсюда! Баул оставьте. Ждите в гостиной.

– Хозяин, заказать еду можно? – спросил Ник.

– Заказывайте что хотите! – закрывая за ними дверь, великодушно разрешил он.

Потом Пуфячок, закинув руки за спину, дважды прошёлся из одного конца кабинета в другой и, что-то окончательно решив для себя, вдруг остановился, внимательно огляделся, наконец, радушно улыбнувшись, произнёс:

– Вы здесь, профессор?..

Главка вторая

Эксперимент

– Я здесь! – вскричал Караев. – Я здесь! – изнемогая от тошноты и шума в ушах, отозвался он. И, как оказалось, отозвался на надрывный голос жены, выбегающей из комнаты на балкон.

– Ты?! – осекшимся от изумления голосом выдохнула она.

Её Мика ползал на четвереньках в том самом же месте, у той же самой стены, где, настороженно вглядываясь в антенну своего аппарата, совсем недавно твёрдо стоял на ногах. А теперь как сомнамбула, с замутнённым взором да ещё и на карачках, головою тыкался в ту же самую стену...

Инна бросилась к нему.

Немного поговорив с ней, Мика отослал её за чаем. Отослал с одной единственной целью – собраться с мыслями и вспомнить всё, что с ним произошло.

Итак, он накинул на себя контур. Жена щёлкнула тумблером пуска. И Караев лишился чувств. Нет, скорее всего, погрузился в сон. И ему что-то снилось. Цельное, сюжетное и, как в жизни, логичное. В памяти мелькали яркие, пронзительно реальные сцены, в которых, находясь в забытьи, он участвовал. С кем-то общался. О чём-то переживал...

– Что же всё-таки это было? – спросил он, окуная губы в дымящийся стакан чая, от которого, чертыхнувшись, невольно отёрнулся.

– Ну, сколько раз я говорил тебе – не наливай мне крутого кипятка! – попенял он ей.

Пропустив мимо ушей его последние слова, Инна обняла мужа за плечи и ласково прошептала:

– Конечно, было... Ты превратился в невидимку.

Караев оцепенело смотрел перед собой. Неужели он переместился во времени и побывал в одном из отрезков своей жизни, который, скорее всего, ему ещё предстоит прожить? Ведь то, что он видел, с ним до сегодняшнего дня не происходило.

– Мика, ты хоть представляешь себе, чего ты добился? – услышал он голос жены. – Это потрясающе! Твой эксперимент имеет громадное государственное значение. Стратегическое... Под это, если мы продемонстрируем им, тебе на исследования выделят столько средств, сколько ты пожелаешь, – гнула она своё.

– Надо не просто показать – надо доказать, – отнекивался он.

– Доказательство – на лицо! – загорелась жена. – Чик аппаратом – и тебя нет. Чик! И ты тут как тут...

– Результат, конечно же, – моё почтение! – согласился он. – Небывалый. Я, естественно, покажу его. Может, что и получу, – неуверенно добавил Караев.

– Оставь сомнения, мой милый! – с ликующей игривостью воскликнула Инна.

Караев пожал плечами. А Инна дребезжащим от радости голосом принялась строить планы по поводу того, как она сама займётся организацией публичного показа. Пригласит людей из команды Президента, из Министерства национальной безопасности, Министерства обороны и весь цвет Академии наук...

Он её слышал, но не слушал. Профессор думал о своём...

То, что ему удалось выйти на спираль планетного Пространства-Времени и переместиться в иную плоскость жизни, а в настоящей – исчезнуть, – это однозначно. Стать невидимым одним нажатием кнопки – обескуражит кого угодно. И кого хочешь убедит...

Но того ли он добивался? Получился классический парадокс: искал одно, нашёл другое. Охотился на мышь, а завалил слона...

Впрочем... Караев поднялся и нервно забегал из угла в угол. Жена между тем, не переставая, самозабвенно продолжала бубнить своё. Отрешённый взгляд мужа, иногда останавливающийся на ней, она истолковывала по-своему. Так, как хотелось ей. Интересно, мол, ему слушать как будет происходить задуманное ею мероприятие. Ему же было не до него.

Его осенило вдруг. Ведь он получил то, что надо. Правда, оно неожиданно выявило такую грань, существование которой он относил к фантастике...

Итак, что же произошло? Он вышел на многонитевой жгут планетного Пространства-Времени. Это – первое.

Второе, и самое важное: луч аппарата, отразившись от контурной «розетки», мгновенно отыскал и замкнулся на нити его индивидуального времени, находящегося в том Пространстве.

И третье. Почему он исчез? Да очень просто. Луч замыкается либо на его прошлом, так сказать, прожитой жизни, либо на будущем, которое ему предстоит прожить. Происходит преломление среды времени... Стало быть, и в том и в другом случае он, по идее, должен был исчезать из реальности.

Четвёртое. Увиденное проливает свет на то, в какую часть канала своего времени перемещается испытуемый – ближе к истоку или к дельте. У больного с нарушенной психикой не спросишь – где он побывал. Если он минет заломленный участок нити своего времени и перескочит в отдалённое будущее, оно и станет точкой отсчёта его новой жизни. Его поведение в таком случае не будет пониматься не им самим, а тем более окружающими его людьми. Поэтому врачу обязательно надо знать – в какую сторону перемещается сознание пациента, чтобы остановить его восприятие жизни, то есть сигналы из жгута Пространства-Времени, на сегодняшнем дне.

Прислонившись к стене, Караев пусто смотрел на увлечшуюся рассказом жену. Он был весь в себе. Сейчас важнее всего следовало определиться с тем, ради чего всё им затевалось. Что из всего эксперимента может стодиться для лечения тем методом, который он наметил для себя.

Здесь главное не ошибиться – не вернуть сигналы к началу жизни человека, ни тем более к концу её. Другими словами, не опустить, если так можно выразиться, а поднять луч по нити от места дефекта на её здоровое продолжение, которое обеспечит затем нормальное течение жизни и функционирование психики пациента... А для этого надо знать – что видит больной при перемещении.

– Именно так! – тряхнув головой, вслух произносит Караев.

Инна решила, что он одобряет её план, и вся засветившись, порывисто прильнула к нему.

– Неправда ли, будет здорово?.. Я всё продумала. Ты согласен, Мика? – заглядывая в отсутствующие глаза мужа, спрашивает она.

– Делай, как знаешь... Мне надо работать. Я всё должен записать, – говорит он, отводя от себя её руки.

– Умница! – хвалит она. – Конечно же, нужна статья. Обстоятельная, аргументированная.

– Да, да. Разумеется, – уходя к себе в комнату, рассеяно пробормотал Караев.

Такого мощного прилива сил и необузданного желания работать, такой лёгкости мысли, которые зарождались в нём сами по себе и сами по себе складывались во фразы, обороты и укладывались в целые абзацы, он не испытывал, пожалуй, со студенческих лет. Он бил и бил по клавишам машинки до самого рассвета. Потом часа на три заснул и, быстро ополоснувшись, снова ринулся к столу. Инна буквально силой вытаскивала его из-за машинки, заставляя что-нибудь поесть. Он заглывал в себя, не глядя, что она ему подавала, и вновь спешил к себе в комнату...

Лишь под утро третьих суток Караев, держа в обеих руках, как драгоценность, внушительную кипу бумаг, пошатываясь, вошёл к спящей жене.

Растолкав её, Караев блаженно улыбнулся:

– Я закончил.

– Что закончил? – спросонок прохрипела она и, заметив в его руках охапку листов, испещрённых машинописным текстом, облегчённо вздохнула и, вдруг засмеявшись, добавила:

– Боже! Да ты знаешь, на кого похож?

– На кого?

– На сексуального маньяка.

– Может быть... Мне всё равно... Я, Инночка, закончил...

И тут силы оставили его. Он рухнул поперёк кровати прямо на ноги жены. Ей стоило больших трудов уложить его на подушки.

Ничего страшного не случилось. Мика спал мертвецким сном.

Проснулся Караев утром следующего дня. Его разбудил душистый запах заваренного кофе. К окну прильнула младенческая мордашка народившегося дня. С синими-синими на весь мир глазами. В форточку тёк свежий поток его волшебного дыхания, который ласково гладил ему лицо и теребил волосы...

– Хорошо, – сказал он, потягиваясь и, вспомнив о том, что работа, которую он делал, завершена, с ещё большим наслаждением вобрал в себя рассветного воздуха, смешанного с золотом восходящего солнца и дурманом ароматного кофе. Лукаво улыбнувшись, Караев крикнул:

– Кофе в постель!

Паузы между тем, как он это выкрикнул, и появлением Инны, казалось бы, не было. Она объявилась в комнате как привидение. И вся светилась.

И солнцем, вдруг сразу вспыхнувшим в комнате, и счастливыми глазами.

– Доброе утро, мой гений, – поцеловав его, прошептала она.

– Приятно слышать, – чмокая от удовольствия губами, отозвался он.

– Я прочла написанное тобой... Потрясающе!

– Знаю, – изобразив самодовольную мину, небрежно бросил он, а затем, по-детски задрывав ногами, проканючил:

– Хочу кофею...

– Вставайте, сударь! Вас ждут великие дела! – строго потребовала жена, направляясь в сторону кухни.

Караев со всей силой, открытой ладонью стукнул по матрацу.

– Наконец-таки! Научил!

Инна отреагировала в одно мгновение:

– Я это помнила всегда! – воскликнула она. – Почти двести лет. С тех самых пор, когда один честолобец заставлял свою женщину будить себя именно такими словами. Женщиной той, конечно, была я, а вот мужчина на тебя нисколько не походил...

– Неужели?! – удивился он.

– Ты, несомненно, лучше. Хотя бы потому, что ты живой. Да ещё и гений. Один на всё человечество.

– Это мне больше нравится, – выкинув из-под одеяла ноги, произнёс он.

Последние слова его прозвучали без особого воодушевления. И вообще не потому, что они прозвучали в пустой комнате и никто их не слышал. Просто – мысли его сами по себе переключились на другое. На самое важное – написанное им в эти дни. Караев по памяти пролистал всю, напечатанную им в один присест, монографию в почти две сотни страниц.

Поразительная эта штука – мозг, невольно подивился он. Любому компьютеру даст фору. А в нём всего-то под два килограмма желеобразной массы.

Вот это действительно творение. И придумавший его – сверхгений. С умом нечеловеческим. Не то что он и иже с ним, которые пыжатыся, открывая нечто эдакое, из рук вон, а потом выходит, что найденное и провозглашённое открытием всех времён и народов – ничтожная из

деталек, составляющих искусно сотворённое бытие человека, его природную среду обитания и сложнейшую конструкцию мироздания.

Выходит, разум любого доморощенного гения и вообще всякой мыслящей твари работает не на открытие как таковое, а на раскрытие тайны того, каким образом, зачем, из чего и как сделана тем сверхгениальным Изобретателем такая простая и такая таинственная штука, как Жизнь.

Блажен тот, чьему разуму ровным счетом наплевать, из чего сделан он сам и всё вокруг. А вот ему, Караеву, не наплевать. Ни за какие сокровища мира он не захотел бы такого блаженства. Его мозг жить не может иначе, чтобы не копать и не изнывать, пока не докопается. Стало быть, в его «студень» – компьютер, что под его черепушкой, – тот Создатель, как в насмешку, закинул программу, которую, нет слов, он выполнит, никуда не денется, и которая будет обречена на беспомощность... Ведь в сравнении с той непостижимо эпической картиной, выполненной Им, его работа будет выглядеть произвольно сделанным штрихом. А в то ли место он, Караев, мазнул по стоящему перед ним холсту? Или не в то? Знать этого Караеву не дано. Остаётся надеяться на Создателя. Ему видней. Во всяком случае, Он единственный, кто знает наверняка – то ли, что Ему нужно, сделала Его биомеханическая игрушка наречённая такими же игрушками Михаилом Караевым?

Как бы там ни было, на свежую голову, не заглядывая в монографию, профессор уже видел её слабые места. Отпив кофе и зажмурившись от удовольствия, он сказал:

– Монография, Инночка, ещё очень сырая и слабоватенькая...

– Да и ни к чёрту не годится! – в тон ему с подчёркнутой ядовитостью подхватывает она. – Я прочла. Заурядный дипломный проект. Бесцветный рефератик полоумного студента.

Михаил высоко вскинул брови. Раскалённые гневом глаза жены готовы были сжечь его догла.

– Ещё скажи, – презрительно процедила она, – что ты бездарь, тупица и никчемная тварь...

– Да, тварь, – подхватил Караев. – Тварь, которая ещё сама не поняла, что она открыла. С чем соприкоснулась? И какое отношение оно имеет к психиатрии? А возможно, значимость её лежит в плоскости иных сфер науки. И наконец – всё происшедшее вчера может стать каверзной случайностью.

– Дорогой, кто говорит, что надо поставить точку на экспериментах и не надо чистить монографию? – примирительно сказала Инна.

– Вот-вот – соглашается он. – Мне нужно испробовать аппарат на больных. А без конкретных результатов – излечил и сколько – монография голая.

– Поэтому, – профессор резко повернулся к ней, – необходима обратная связь. Нужно, чтобы больной, ставший под контур, мог передавать сюда, на монитор, объективную и вразумительную картину того, что он видит.

– Что-то всё-таки можно придумать? – с надеждой пролепетала Инна.

– Можно, конечно, – раздумчиво отозвался он.

– Так в чём же дело, Мика?!

Караев расхохотался.

– Помимо того, что такую штуковину надо придумать, её ещё надо будет собрать. А для этого мне потребуется одна существенная малость... Деньги! Будь они прокляты.

– Ты их получишь, милый! – с уверенностью выпалила она и, спохватившись, прибавила:

– У тебя есть время.

– Что значит «есть время»? – подозрительно спросил он.

– Пока ты терзал машинку, а потом отсыпался, я занялась настоящим делом...

Инна протянула ему поблескивающий глянец прямоугольной формы картон. По диагонали этого раскладывающегося книжечкой изящного прямоугольника блеклыми, но доста-

точно чёткими буквами было написано: «Образец». Посередине печатник оттиснул слово – «Приглашение». Внутри по обеим сторонам, исполненный строгим набором на азербайджанском и русском языках, разместился относительно лаконичный текст:

Уважаемый (-ая) господин (-жа) _____!

26 сентября с.г. в 18.00 в актовом зале Президиума

Академии наук Азербайджана состоится

сенсационное сообщение известного психиатра, доктора медицинских наук, профессора М.Р.Караева.

Сообщение будет сопровождаться демонстрацией эксперимента.

В связи с конфиденциальностью выступления,

имеющего серьёзное научное и государственное

значение, круг приглашенных лиц строго ограничен.

ОРГКОМИТЕТ

На последней странице образца Приглашения, как обычно, мелким шрифтом указывалось: «Напечатано в типографии „Абилов, Зейналов и сыновья“. Тираж 100 экз. Заказчик – кафедра „Психиатрии и Кибернетики“ Гос. института усовершенствования врачей».

«Инна поработала на славу» – теребя в руках Приглашение, подумал Караев. Он хорошо представлял себе, каких трудов ей стоило все это. Наверняка, вышла на дядю Зию, а тот на самого Президента Академии наук. Ведь застолбить актовый зал, который практически всегда занят под какие-то мероприятия, без его разрешения вряд ли бы удалось. Так, вероятно, надавил, что клерки тут же отыскали окошечко в забитом расписании.

До «окошечка» оставалось чуть больше трёх недель. Караев зацыкал.

– Тебе не нравится текст? – вскинулась Инна.

Он покачал головой.

– Дорогая, – наконец вымолвил он. – Не забегаешь ли ты вперёд арбы?

– Ни в коем случае! – пылко парирует она. У тебя в руках главный факт. Под лучом твоего аппарата человек становится невидимым...

– Ну как ты не понимаешь? – перебивает он. – Единичный случай – это эпизод. Не больше... Не закономерность, не факт, а абсурдная случайность. Надо ещё проверять и проверять. Надо самому быть уверенным.

– Мика, повторяю: время ещё есть. Ты сможешь семь раз отмерить здесь, дома, и один раз отрезать там, в актовом зале. В присутствии снобов от власть имущих и академиков, – упрямо напирала она.

– Легко сказать, – слабо сопротивлялся он...

– Надо не умничать, а действовать. И немедля, – отрывисто, по-военному чеканит она.

Инна решительно подходит к проводам, лежащим на столе.

– Сейчас мой черёд надевать контур.

– Нет, Инночка. Ни в коем случае, – протестует он.

– Ни нет, а – да! Действуй!

Инна прямо-таки выдернула его из-за стола. Собственно, он не очень-то и упирался. Если по правде, его посвербливала такая тайная мыслишка. Страсть как хотелось понаблюдать работу аппарата со стороны.

Приладив и прикрепив к основным точкам её тела концы контура, Караев направился к аппарату. Потом вернулся и попросил её встать посередине комнаты. С того места на балконе, где находился аппарат, ему не видно было её, а тут она была как на ладони. Ещё раз проверив на ней все соединения, он ободряюще улыбнулся ей и чмокнул в щёку.

– Главное, Инночка, не мандражируй... Ничего страшного, ничего болезненного ты не почувствуешь.

– Главное, Микуля, ты не паникуй, – усмехнулась она.

Включив аппарат в сеть, Караев взялся за регулятор пуска. Под сердцем вдруг тревожно заняло.словно в него всосались голодные пиявки. Одно дело – когда сам подопытный, и другое – когда другой. За себя волнуешься меньше. Кажется, что с тобой ничего не произойдет. А если уж что, так сам обязательно выкарабкаешься.

– Не томи, Микуля! – не без раздражения выкрикнула жена.

– Три... Два... Один... Старт!

Профессор решительно крутанул регулятор пуска. Ни треска, ни шороха, ни звука... Ничего такого с аппаратом не произошло. Разве только ярко, словно до предела накалившись, сверкнул алмаз и вспыхнул зеленый глазок.

«Всё в норме. Работает, шельмец», – шутливо про себя отметил он, и только тут врубился, что смотрит не в сторону Инны, а на механизм. Это было какая-то чертовщина. Ведь он вёл отсчет, стараясь не отрывая от жены глаз. И вот тебе на! Отвлёкся.

– Мать твою! – невольно вырвалось у него.

Он отказывался верить своим глазам. Хотя кто-кто, а он был подготовлен к такой ситуации! Впрочем, подготовленность – понятие теоретическое, а реальность – нечто иное. Она искорежит всякую теорию. Она сшибет с ног. Не успеешь вякнуть.

Профессор остолбенело уставился на пустую середину комнаты. Инны и след простыл.

«Та-а-к...», – протянул он вслух. И это значило, что прагматичный профессионализм взял вверх над сковавшим его столбняком...

Караев из заурядного ошарашенного человека стал снова обычным холодновато-отрешённым исследователем. Подошел к тому месту, где стояла жена. Раскинув в стороны руки, он минуты две крутился по комнате, тщательно ощупывая ее. Ничего одушевленного. Никаких препятствий. Пустота. Потом, остановившись, Караев громко и внятно несколько раз произнёс:

– Инна, ты меня слышишь?.. Если слышишь – откликнись. Если ты там что-нибудь видишь – постарайся запомнить.

Чтобы убедиться, что жены нигде нет, профессор обошел всю квартиру.

– Ну, всё! – сказал он опять вслух. – Прошло двенадцать минут. Пора возвращаться.

И Караев решительно повернул регулятор в положение «выключено». То, что он увидел в следующее мгновение, его донельзя изумило. Он едва не прыснул смехом: его тученькая Инна, вытянув руки, сидела на корточках и довольно резвенько передвигалась по кругу. И при всём при том ещё напевала.

Это был миг, от которого можно было бы грохнуться на пол и ржать до коликов в животе. Она таки и бухнулась. Правда, мягко. На пятую точку. И, сидя так, с неподдельным удивлением озиралась по сторонам.

– Как ты? – помогая подняться, полюбопытствовал он.

– А что? Что случилось? – с недоумением спросила она, стряхивая с подола пыль.

– Осторожно! – предупредил Караев. – Повредишь контур...

Инна стукнула себя по лбу:

– Ах, да! Совсем забыла.

А потом срывающимся от восторга голосом зашебетала:

– Всё хорошо, Микуля! Ты даже не представляешь, как хорошо.

– Расскажи – представлю.

Профессор украдкой включил диктофон. И его сверхчувствительный микрофон почти минут двадцать голосом Инны, то спускающимся до шепота, то подпрыгивающим на высокие ноты, как оголодавший хищник, трепал индикатор записи. В глазах её стояли счастливые, светлые слезы.

– Я не ожидала такого, – заканчивая свой рассказ, сказала она. – Я хочу ещё...

Инна потянулась к контуру.

– погоди! Тебе надо отдохнуть! – перехватив её руки, сказал он.

– Я нисколько не устала, Микуленька, – взмолилась она.

– Может быть... Но ради Бога, пойми. У меня в руках новый материал. Как, по-твоему, его надо обработать?

– Надо, надо! – согласилась она. – А потом? Потом можно будет? – по-девчоночьи кокетливо выпрашивала она.

– Тогда и поговорим, – отрезал он и, рассмеявшись, добавил:

– У меня же другого кролика нет.

Последние слова мужа окончательно убедили её. И Инна, изображая паиньку, засемила на кухню. А Караев прошёл к себе. Усевшись за стол, он помассировал затылок, закрыл глаза и, не двигаясь, просидел так минут пять. Он сосредотачивался. Он должен был освободиться от возбуждения, охватившего его не меньше Инны. Он знал по опыту – эмоции для работы хуже похмелья. Наконец, глубоко вздохнув, профессор придвинул к себе диктофон и надавил на кнопку воспроизведения.

«– Я была дома... Представляешь?.. В том, где родилась. Это был дедушкин дом. Загородный. В город мы переехали, когда мне исполнилось одиннадцать лет... Я видела себя маленькой. Совсем крохотной.

– Что значит „крохотный“?

– Ну, лет пяти... Да, точно... Это был предновогодний день. В комнате пахло хвоей. От ёлки. Под ней стоял маленький Дед Мороз, на шапке которого по красному канту золотыми цифрами было написано 1960 год...

– Ты видела себя со стороны или была тем ребенком? С его сознанием и восприятием окружающего?

– Брось ты свои нелепые вопросы. Конечно же, была ребёнком и видела всё его глазами... Хотя... со стороны – тоже... Как бы наблюдала сама за собой...

Я себе очень нравилась... Я, оказывается, была такой зудовой пампушечкой. Такой прелестной кукляшкой... Ни за что не поверишь.

Да, я не сразу увидела ёлку. Я была в другой комнате и только-только проснулась. Видимо, в плохом настроении. Хныкала, звала маму... На мой зов пришла какая-то старая женщина. От неё пахло чем-то очень душистым. Не то корицей, не то ванилью. „Наша лапушка проснулась“, – кому-то крикнула она и протянула ко мне руки. Я, капризно взвизгнув, забарабанила ножонками по матрацу. „Маму хочу!“ – потребовала я.

„Мама твоя в институт, на работу побежала“, – по-доброму и влюбленно глядя на меня, говорила женщина.

В это время в комнату вошел папа. И я, вскочив на ножки, прыгнула к нему на руки...

Ой, какой он был молодой. Какой красавец. Какой горячий.

„Тетя Даша, – сказал он женщине, – ей холодно со сна. Да и дома прохладно... Оденьте её. Я не знаю во что...“

Потом он понес меня на кухню, и эта старая женщина стала меня кормить. Папа усами щекотал мне открытую шейку на затылке, а та женщина отгоняла его: „Уйди... Ты мешаешь...“

– Почему ты её называешь „какая-то женщина“, „эта женщина“?

– Не знаю. Я её совсем не помню... Папа её называл тётей Дашей... Это сейчас я узнала... А кто она такая и была ли она в то время – не помню.

– Может, домработница? Или няня?

– Может быть... Не перебивай, пожалуйста, пока не забыла, что я видела... Папа понёс меня в комнату, где стояла роскошно разряженная ёлка.

„Завтра новый год, дочка, – говорил он, – и дедушка Мороз принес тебе ёлку. А ночью, когда ты будешь спать, он принесет и положит тебе под подушку подарки...“

„А я его увижу?“ – спросила я.

„Нет. Ты будешь крепко-крепко спать“.

Я сморщила носик.

„Я его тоже не видел, – успокаивал он. – И мама его никогда не видела... Тётя Даша, а ты с дедом Морозом когда-нибудь встречалась?“

„А как же! – отозвалась женщина. – Намедни. Я наказала ему, чтобы он обязательно пришёл к нашей Инночке и от меня принёс ей хороший подарок“.

Потом папа хлопнул в ладоши, и ёлочка вспыхнула розовыми, зелёными и голубыми огоньками. Он поставил меня на ножки и, взяв за пальчики, стал вместе со мной кружиться возле ёлки. И пел: „Зелена, зелена. Хлоп – царица зелена...“ Пел и приседал. И я вместе с ним...

А в это время ты безжалостно вырвал меня оттуда...

Но как я тебе благодарна, Микуля! Ты подарил мне кусочек детства, которого я не помню...»

Выключив диктофон, Караев потянулся к телефону и набрал номер тётчи. Она подняла трубку, как будто ждала звонка. Услышав голос зятя, она с ходу в карьер, не дав произнести ни слова, доложила:

– О своем шkode беспокоитесь?.. Всё в порядке. Я его вижу в окно. Футбол гоняет, – и, не делая паузы, принялась жаловаться:

– Совсем заниматься не хочет. От рук отбивается... На скрипку смотреть не хочет. Струну на ней порвал.

– Вот как?! Приду, задам трёпку, – пообещал Караев.

– Кроме «трёпку» другие слова у тебя есть? – возмутилась тётца.

Профессор улыбнулся. Бабка есть бабка. Ей, видишь ли, позволительно замечать во внуке недостатки и говорить о них, а вот наказывать его она никому не позволит...

Поговорив ещё немного о сыне, он, наконец, перешёл к тому, ради чего позвонил.

– Елена Марковна, я вот по какому поводу, – остановил он её. – Когда Инна была совсем маленькой, лет пяти приблизительно, вы не нанимали ей нянь?

– Жила такая у нас. Чудная, пожилая женщина. Одинокая. Её муж и дети не вернулись с войны. Она присматривала за Инночкой и помогала мне по хозяйству. Она у нас прожила недолго – два года... Скоропостижно скончалось... Вот беда, запомнявала её имя.

– Её не тётей Дашей звали? – спросил Караев.

– Да! Да! – обрадовано воскликнула тётца. – Тётя Даша... Откуда ты знаешь?

– Простите, Елена Марковна, я перезвоню позже. Ко мне пришли, – соврал он.

Немного поразмыслив, Караев придвинулся к машинке.

«Эксперимент № 2. Выводы и возникшие вопросы» – застучал он, —

а) наблюдаемая переместилась в прошлое;

б) звуковая и визуальная связь отсутствовали;

в) следов её пребывания в реальности не обнаружил;

г) наблюдаемая запомнила увиденное и подробно, логично, с естественными эмоциональными реакциями рассказала о них;

д) принесла с собой информацию, утраченную в памяти за давностью лет.

Примечание. Почему я, неотрывно следящий за испытуемой, в момент включения на „старт“ – отвлекся? В самый ответственный момент поймал свой взгляд не на неё, а на регуляторе... Случайность?.. (Необходимо проверить!)»

Главка третья

Великое начинается с позора

Караев обмер. «Где это я?» – пронеслось в голове.

В нос ударили знакомые запахи йода, витаминов и тошнотворная вонь нечищенной уборной... На стене две «люски». Одна блаженствовала, усиками почёсывая потолок, а другая, вихляясь, скользила по трубочке кислородного устройства прямо к его изголовью. Он покосился вправо... Швабра... Настоящая половая швабра. Её приспособили вместо штатива. На её горизонтальной перекладинке висела перевернутая вниз горлышком бутылка с бурой жидкостью. Капельница... Больница... Палата... Но почему? Караев никак не мог понять.

Очнулся он, видимо, от боли, что причиняла ему медсестра. Паршивка неумело всунула ему в вену иглу. Практикантка, наверное. Опыта – ноль. Слишком долго возится с лейкопластырем. Она оклеивает им иглу, чтобы та не сорвалась с руки. Неумёхе невдомёк даже, что игла ковыряет ему стенки сосуда. Наконец справившись, медсестра поднимает голову.

Ну, конечно, практикантка. Совсем девчонка, подумал он. И их глаза встретились.

– Господин профессор, – в полуйспуге спрашивает она, – вы как? Хорошо себя чувствуете?

– Вашими стараниями, – красноречиво глядя на изгиб руки, морщится он и просит сделать ему одно маленькое одолжение – смахнуть «люсек»...

– Каких? – тарачится сестра. – Здесь никого нет, кроме вашей жены.

Мика только сейчас увидел её. Свесившись со стула, Инна положила ему голову под левый бок и мирно посапывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.